

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.161-171

**«НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЕГИПТОЛОГИЯ»:
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЕГИПЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ
В ЕВРОПЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Е.А. Чиглинцев, *Н.А. Шадрина*, *Г.Ю. Артюх*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению механизмов формирования представлений о наследии египетской, в том числе и древнеегипетской, культуры в сознании европейцев – участников египетского похода Наполеона Бонапарта. Проанализирована роль, которую в становлении упомянутых представлений играли элементы арабо-мусульманской культуры Египта, которая до определенной степени сохранила древнеегипетское наследие, а также наследие эллинистического и христианского Египта. Сделана попытка проследить, насколько в том «образе Востока», который формировался у европейцев, принимавших участие в египетском походе Наполеона Бонапарта, дифференцировались или, напротив, сливались культурные пласты, составлявшие современную на тот момент египетскую культуру.

Ключевые слова: египтология, Наполеон Бонапарт, египетский поход, древнеегипетская культура, арабо-мусульманская культура Египта

Формирование «образа Востока» в пространстве западной культуры – процесс очень длительный, противоречивый и связанный с самыми разными личностями и событиями. Одной из таких личностей стал Наполеон Бонапарт, эпоха которого «оставила Европе обширное наследство: помимо гражданского Кодекса и идей либерализма, оно включает и египтологию, родившуюся во время его египетского похода» [1, с. 265]. В этой связи представляется крайне интересным проследить процесс формирования египтологии времен похода Наполеона и ответить на вопросы о том, на какие аспекты обращали внимание ученые, столкнувшиеся с наследием не только древнеегипетской и эллинистической культуры, но и культуры арабо-мусульманской, насколько в контексте полевых и теоретических исследований «наполеоновской египтологии» различные напластования культурных феноменов, составлявшие специфику данного региона, разделялись или сливались.

Идеи египетского похода Наполеона

Египетский поход Наполеона Бонапарта, осуществленный молодым полководцем по приказанию Директории в 1798–1801 гг., оставил о себе очень противоречивое впечатление.

Будучи частью антибританской политики и Франции в целом, и лично Наполеона, поход этот демонстрировал геополитические притязания страны. Идея завоевания Египта, находившегося под властью Османской империи, в Европе была не нова: еще в XVII в. она была предложена Г. Лейбницем Людовику XIV [2, р. 30]. Тогда на повестке дня было два ключевых аспекта: торговля и религия [2, р. 17]. В конце XVIII в. подобные идеи снова актуализировались, хотя несколько изменились цели и сместились акценты. Впервые мысли о завоевании Египта генерал Бонапарт излагает в письме к Директории от 16 августа 1797 г.: «Недалеки те времена, когда мы почувствуем, что для реального сокрушения Англии мы должны завоевать Египет¹» [3, р. 235]. И именно в этот момент министр иностранных дел Шарль Моррис де Талейран предлагает правительству Франции план завоевания Египта. Политические интересы страны и личные амбиции генерала Бонапарта неожиданно совпадают.

В рамках нашего исследовательского интереса особенно важным становится субъективный фактор, определивший действия Наполеона. Идея похода в Египет очень нравилась полководцу, поскольку он буквально грезил завоеваниями Александра Македонского, когда-то покорившего этот регион, и мечтал их повторить. По меткому замечанию британского историка Дэвида Чандлера, специалиста по истории наполеоновской эпохи, «романтическая сторона его характера заставляла его мечтать о соперничестве с подвигами Александра Македонского...» [4, с. 141].

Помимо всего прочего, Наполеон стремился, в духе эпохи Просвещения, сделать свою египетскую кампанию не только военным предприятием, но и научной экспедицией. В связи с этим он предложил членам Французской академии отправиться с ним. Так, участие в экспедиции приняли, в частности, основатели одного из самых престижных французских учебных заведений – Политехнической школы – математик Гаспар Монж (Gaspard Monge) и химик Клод Луи Бертолле (Claude Louis Berthollet). Они обратились к своим ученикам и сотрудникам, приглашая их принять участие в путешествии, набрав таким образом 167 (!) человек. Среди них были геолог Деода Гратэ де Доломьё (Déodat Gratet de Dolomieu), специалист по истории искусства и будущий создатель музея Лувра Доминик Виван-Денон (Dominique Vivant, baron Denon), математик Жан-Батист Жозеф Фурье (Jean-Baptiste Joseph Fourier), натуралист Жорж Леопольд Кювье (Jean Léopold Nicolas Frédéric Cuvier), «отец инволюции» Этьенн Жоффруа де Сент-Илер (Étienne Geoffroy Saint-Hilaire), ориенталист Пьер Амадей Эмилиан Жобер (Pierre Amédée Emilien Probe Jaubert). В поход собрались также известные художники, музыканты, поэты, антиквары [5, с. 11]. В связи с участием последних, как отмечал Наполеон, раскопки велись «всюду, где обнаруживались следы древней цивилизации» [5, с. 64].

Этот поход не стал успешным для Франции и самого будущего императора французов ни в военном, ни в геополитическом планах [6, р. 430], но он остался в истории как веха постижения европейцами Востока в Новое время и как своеобразная отправная точка научного освоения древнеегипетского наследия. Освоение это продолжалось затем более двух веков благодаря тем материалам, которые

¹ Перевод в цитатах здесь и далее наш. – Н.Ш., Г.А.

были найдены, атрибутированы и доставлены в Париж. При этом происходила своеобразная институционализация процесса изучения египетских древностей, поскольку в самом Каире был создан Институт Египта, объединивший исследователей Египта и проводивший регулярные заседания с целью обсуждения достигнутых результатов. Собранные за 10 лет материалы вышли в свет в виде многотомного издания под названием «Description de l'Égypte» («Описание Египта») [7]. Его публикация началась в 1809 г. и велась до 1829 г. Всего было сформировано 10 томов текста, 12 томов гравюр, а также обширный географический атлас.

Все аспекты деятельности экспедиции в большей или меньшей степени стали предметом специального анализа непосредственно с момента окончания самого похода. Правда, таких публикаций было немного, а содержание их не отличалось тематическим разнообразием. Так, в одном из трудов, опубликованных почти через полтора десятка лет после предприятия, Пьер-Доменик Мартен прямо писал: «Детали этой экспедиции еще мало известны, никто не даст ее полной истории» [8, р. II–III]. Однако уже в ходе самой экспедиции и сразу же после нее Египет вписывается европейцами в довольно обширное понятие «Восток» в противовес самой Европе как «Западу». Проблема формирования «образа Востока» в нововременной европейской культуре, в том числе и в ходе египетских походов Наполеона, сегодня стала весьма популярной в историографии. Специальные публикации Е.А. Прусской [9–13], учитывающие актуальное состояние и французской историографии вопроса, сосредоточены как раз на восприятии европейцами некоего «образа Востока», «поскольку именно в XVIII веке начинала утверждаться ценностная парадигма современного западного общества» в отношении «формирувавшегося тогда у европейцев образа мусульманского Востока» [9, с. 1].

При этом, действительно, с самого начала египетского похода Наполеон и его соратники осознавали, что входят именно в мусульманскую страну. Такое восприятие было подготовлено, в частности, публикациями в последней четверти XVIII в. работ французских путешественников, воистину очарованных Египтом [14]. Так, например, М. Вольней говорит о нем как об объекте, возбуждающем любопытство [15, 16].

Однако здесь возникает вопрос о том, насколько в образе Египта, оформившемся в ходе наполеоновского похода, различались культурные напластования (начиная от древнеегипетской культуры через эллинистическую и римскую, византийско-христианскую и ряд других до мусульманской), сформировавшие ландшафт египетской культуры, с которой встретились французы.

Французская армия в Египте

1 июля 1798 г. французская армия достигла берегов Египта. Наполеон обратился к солдатам, которые, наконец, узнали, куда прибыли: «Вы совершите завоевание, последствия которого для цивилизации и для торговли неисчислимы. Вы нанесете Англии чувствительный удар, чтобы затем нанести смертельный. Нам предстоят тяжелые переходы, мы дадим много сражений, мы преуспеем во всех наших начинаниях, судьба на нашей стороне. Бей-мамлюки..., которые тиранят бедных жителей Нила, через несколько дней после нашего появления будут уничтожены» [5, с. 45–46]. После столь жесткой постановки стратегической цели следует наставление французским солдатам: «Народы, с которыми нам придется

жить, – магометане; их первый закон: “Нет другого Бога, кроме Бога и пророка его Мухаммеда”. Не противоречьте им; поступайте с ними так, как мы поступали с иудеями, с итальянцами; имейте уважение к их муфтиям и имамам, как вы поступали с раввинами и епископами... Более того, 21 июня 1798 г. был отдан приказ, который гласил, что «каждый солдат, который будет пойман на грабеже или насилии, будет расстрелян...» [5, с. 45–46]. Цель приведенного обращения заключалась, в частности, в стремлении установить мирные отношения с местным населением, для чего необходимо было убедить последних в том, что французы уважают коренных жителей – феллахов, не стремятся посягать на их обычаи и, более того, обещают освободить их от «тирании» беев. Однако, как покажут дальнейшие события, представления о «личной свободе» и «гражданском договоре» у египтян и европейцев были весьма различны.

Далее в речи Наполеона следовало обращение к историческому наследию Египта, в котором, безусловно, особое место отводилось эпохе Александра Македонского, и предпринималась попытка соотнести прошлое страны с ее современностью: «Город, который лежит перед вами, город, куда вы вступите завтра, построен Александром!!!» [5, с. 45–46]; «Мы на каждом шагу будем встречать великие воспоминания, достойные вызвать дух состязания» [5, с. 45–46]. Помимо эллинистического наследия, внимание Наполеона с самого начала похода привлекали и следы древнеегипетской культуры. Так, в записи графа Эммануэля де Лас-Каза (Emmanuel, comte de Las Cases), сделанной со слов узника острова Святой Елены в сентябре 1815 г., читаем страстное высказывание Наполеона времен чумы в Яффе (1799 г.): «Господа, я прибыл сюда для того, чтобы обратить внимание Европы на центр Древнего мира и напомнить ей о его значении для нее...» [17, р. 142]. В связи с этим особого внимания заслуживает следующее наблюдение, высказанное Е.А. Прусской: «...Накануне и во время покорения Алжира французы репрезентировали себя как наследников римлян, а накануне и во время Египетского похода как наследников древнеегипетской цивилизации» [12, с. 99]². Правда, подобное восприятие себя как наследников именно древнеегипетской культуры складывалось у французов, вероятно, постепенно, по мере более глубокого постижения тех пластов древнейшей культуры Египта, которые не затерялись под позднейшими наслоениями. Дифференциация различных составляющих культуры Египта рубежа XVIII – XIX вв. происходила в сознании европейцев, очевидно, далеко не сразу.

И здесь необходимо особо подчеркнуть, что древнеегипетская культура на момент появления в Египте французов пережила, как уже упоминалось выше, несколько этапов взаимодействия с другими культурами. Причем, как отмечает Майкл Хагг (Michael Haag), автор своеобразного путеводителя по истории Египта, «многие существенные элементы цивилизации фараонов оставались неизменными на протяжении эллинистического и римского периода, а некоторые черты древнеегипетской религии проникали и в христианство, но ислам искоренил египетское прошлое – например, запрет на изображения положил конец тысячелетней истории развития древнеегипетской скульптуры и ее взаимодействия с греко-римским

² Отметим, однако, что апелляция к римскому опыту в египетском походе тоже присутствовала. Все та же речь перед высадкой в Александрии: «Римские легионы любили все религии... Грабежи бесчестят армии и приносят выгоду лишь немногим...» [5, с. 45–46].

искусством» [18, с. 115]. И действительно, когда мы говорим о взаимодействии древнеегипетской культуры с культурой античной в ее эллинистическом и древнеримском вариантах, то находим целый ряд примеров синтезных форм в том числе и в искусстве [18]. Но можно ли говорить о том, что с приходом в Египет ислама связь с предшествующими культурными традициями здесь полностью прервалась?

Отношение мусульман в Египте к наследию предшественников

Когда в VII в. в Египет пришли арабо-мусульманские войска, они встретили довольно прохладный прием. Как отмечает Е.И. Зеленов в специальной работе, посвященной истории Египта в Средние века и Новое время, «первое время египтяне смотрели на арабов свысока и были неприятно поражены простотой и грубостью аравитян» [19, с. 38]. Однако здесь же Е.И. Зеленов пишет, что мусульманские правители изначально придерживались в целом толерантной и мирной политики в отношении местного населения [19, с. 40], что вкупе с довольно напряженными отношениями между коптским населением Египта и Византией позволило арабам относительно быстро завоевать данные территории и укрепиться на них. Хотя исследователи подчеркивают, что христианизация и арабизация местного населения проходила довольно долго и сложно [19, с. 53], не следует утверждать, что ислам «искоренил египетское прошлое» и полностью разорвал связи с предшествовавшей культурой или же стремился уничтожить культуру местного населения (необходимо учитывать, в частности, и факт близости коптского монофизитства идеям ислама [19, с. 69]).

Насколько древнеегипетское наследие было сохранено в мусульманском государстве и насколько его можно было выделить из общего комплекса египетской культуры времени похода Наполеона?

Ответы на подобного рода вопросы принципиально важны с точки зрения исследования истоков явления, которое мы условно можем обозначить как «наполеоновская египтология». Под этим термином мы понимаем систему аутентичных письменных и визуальных материалов, формировавших первоначальные представления о древнеегипетской культуре, которые в дальнейшем легли в основу исследований в рамках специально созданных институций. Целью последних стало освоение европейцами (первоначально наполеоновской армией, а также деятелями науки и культуры, сопровождавшими ее) наследия цивилизации Древнего Египта.

В исследовании Е.А. Прусской упоминается несколько фактов, связанных с бытованием древнеегипетского наследия в пространстве мусульманской культуры времен египетских походов, на основании заметок одного из авторов “*Comptier de l'Égypte*”, который отмечает, что суеверие «воздвигло в том самом месте, где раньше почитали Анубиса, небольшую мечеть, знаменитую могилой дервиша, звавшегося эмир Абдалла...». В качестве комментария к данному случаю Е.А. Прусская приводит идею о том, что у армии Наполеона сложилось представление о Востоке как о диком, варварском и суверенном мире, который необходимо цивилизовать [11, с. 105]. Однако данный факт представляется интересным и с той точки зрения, что мусульмане использовали для собственных религиозных построек сакральные места древнеегипетской культуры. Помимо

прочего, это может свидетельствовать о своеобразных попытках культурной преемственности даже более, чем о стремлении к уничтожению культуры предшественника. Возможно, осознанно или нет, но этот контекст отмечали и французы в конце XVIII – начале XIX в.

Исследователи средневековой мусульманской культуры Египта отмечают, в частности, широкое привлечение мусульманами к постройкам и мечетей, и новых общественных сооружений на территории Египта местных мастеров-ремесленников, а также прямое использование элементов как эллинистических и римских, так и христианских построек (например колонн и капителей) в архитектурном убранстве даже пятничных мечетей. Причем, как подчеркивает Ирен Бьерман, один из авторов «Кембриджской истории Египта», подобная практика именно здесь сохранялась дольше, чем в каких-либо других завоеванных мусульманами землях; она объясняет использование элементов архитектурных построек предшествующих культур, с одной стороны, практичностью подобного решения, а с другой – воплощением исламской доктрины о том, что Мухаммед является последним из Пророков, вернувшем человечеству истинную религию, из чего в мусульманской догматике следует преемственность, в частности, между мусульманской и христианской культурами [20, р. 357], и что, следовательно, в той или иной мере предполагает связь культуры ислама со всеми предшествовавшими культурами.

Египетская культура глазами участников наполеоновского похода

Как следует из большинства заметок самих французов, принимавших участие в наполеоновских походах, они не ощущали толерантного отношения мусульман к наследию египетской древности, а скорее отмечали «невежество» местного населения, которое довело шедевры древнего искусства до разрушения, но не сумело «изуродовать прекрасные разработки», связанные «с основными принципами их первых планов», о чем пишет Доминик Виван-Денон, впервые посетив Александрию [21, р. 33–34].

Однако некий контекст напластования различных культур в том пространстве, которое завоевали французы, своеобразное межкультурное взаимодействие участники похода, как и сам Наполеон, так или иначе отмечали, хотя и не акцентировали на этом внимания.

Так, на пути от Александрии к Каиру французы одерживают знаменитую победу при Пирамидах (21 июля 1798 г.). Именно тогда Наполеон и произнес перед своими солдатами следующие слова: «Солдаты, сорок веков истории смотрят на вас!» [21, р. 240]. При этом все эти сорок веков истории в сознании самого Наполеона в каком-то смысле сливаются воедино. Так, в книге его воспоминаний читаем: «Мамлюки, аги, моряки, гордые своей численностью и занятой ими отличной позицией, ободряемые взглядами своих отцов, матерей, жен, детей, были исполнены задора и уверенности. Они говорили, “что у подножья этих пирамид, *построенных их отцами* (курсив наш. – Н.Ш., Г.А.), французы найдут себе могилу и закончат свой жизненный путь!!!”» [5, с. 65]. Таким образом, пирамиды являются в этот момент для Наполеона неким обобщающим символом египетской культуры.

Совершенно противоположная риторика звучала из уст великого полководца для местного населения. Овладев Каиром 23 июля 1798 г., Наполеон обращается к его жителям: «Жители Каира, я доволен вашим поведением. Я пришел, чтобы уничтожить род мамелюков, защищать торговлю и коренных жителей страны. Пусть все, кто охвачен страхом, успокоится, пусть те, кто удалился, вернуться, пусть молитвы свершаются сегодня, как обычно. Не бойтесь за свои семьи, дома, имущество и особенно за религию Пророка, которую я очень люблю» [16, р. 241].

Каир, больше всего поражающий французов с точки зрения именно мусульманской архитектуры [20, р. 341], в то же время может служить ярким примером взаимовлияния мусульманской традиции и традиций предшествующих культур. В X в. Фатимиды обустривают свою столицу, Каир, пышно украшая его мечети и общественные сооружения, что скорее следует связывать с влиянием искусства Византии [22, с. 69]. Помимо этого, Фатимиды, будучи шиитами, не столь строго придерживались запрета на изображения живых существ даже в культовых пространствах, вот почему в убранстве и мечетей, и дворцов можно встретить использование коптских декоративных элементов, примером тому служат знаменитые львы мечети аль-Азхар [20, р. 351]. Большое количество изображений живых существ, сохранившихся в условиях господства исламской цивилизации, отмечает и Виван-Денон [21, р. 214–219].

Очевидно, что, сохранив древнеегипетское наследие, арабо-мусульманская культура Египта сделала его своеобразной частью собственного культурного ландшафта, чего не могли, осознанно или нет, не отметить пришедшие сюда французы.

Тем не менее, если обратиться к истокам египтологии, толчком к формированию которой и стал египетский поход Наполеона, мы, скорее, увидим резкую границу, которая проходит между изучением в рамках нарождающейся дисциплины древнеегипетского и современного (то есть исламского) культурного наследия. Для ученых, прибывших вместе с войсками Бонапарта, нет и, вероятно, на том уровне знакомства с источниками не могло быть никакой связи между двумя этими далеко отстоящими друг от друга временно и культурно цивилизациями. Причем еще раз следует отметить, что данная традиция резкого разграничения стала отчасти некой своеобразной основой европейской египтологии, как отмечает доктор Окаша Эль Дали в работе «Египтология: потерянное тысячелетие. Древний Египет в сочинениях средневековых арабских авторов» [23]. Подобная, европоцентристская постановка проблемы привела в итоге к практически полному игнорированию пласта мусульманского изучения наследия Древнего Египта [23, р. 1–4].

Вероятно, разница в отношении к древности и современности Египта была обусловлена для «наполеоновской египтологии» еще и тем, что древность можно было изучать без выстраивания отношений с представителями древнеегипетской культуры, тогда как мусульмане были активной угрозой планам французского командования, несмотря на все его попытки «задобрить» местное население и вступить с ним в конструктивный диалог.

Об изолированности восприятия Египта древнего и Египта современного свидетельствует и структура «Описания Египта», упомянутого выше главного итогового труда экспедиции Наполеона, в котором выделяются отдельные тома, посвященные древности, и отдельные тома, посвященные современности. При этом

древнеегипетской культуре в данном описании отводится значительно большее место, хотя следует отметить и то, что «Описание Египта» является уникальным источником по истории мусульманской архитектуры средневекового Египта, поскольку представляет собой не только собрание архитектурных пейзажей и зарисовок разнообразных исламских построек, но и их планы с обмерами, причем в этом труде имеется уникальная информация о постройках, которые не дошли до наших дней [20, р. 341].

В целом интерес, проявленный французами к наследию мусульманской культуры, сыграл в дальнейшем положительную роль в ее сохранении и изучении. Так, по инициативе Франции в конце XIX в. в Египте был создан Комитет по охране памятников арабского искусства, в задачи которого входило исследование, сохранение и реставрация в первую очередь мусульманской и коптской архитектуры Каира, а затем и шире – всего Египта. Комитет просуществовал до 1961 г. и провел колоссальную работу по систематизации и сохранению памятников мусульманского искусства, принял участие в создании музея исламского искусства Египта [20, р. 343], а также способствовал развитию здесь туристической сферы, причем становление туризма было одной из основных задач Комитета изначально, что, вероятно, связано с той самой «египтоманией», начало которой было положено египетским походом Наполеона.

Таким образом, мы можем говорить о том, что на фоне откровенно колониального восприятия завоеванного французами мусульманского Египта «наполеоновская египтология» носит явно европоцентристский характер: древности фараонского или эллинистического времени воспринимаются изолированно, без должного сопряжения с многовековой арабо-мусульманской культурой и без понимания роли этой культуры в сохранении того наследия, которое и составило основу для подъема египтологии (на этот раз уже без всяких кавычек) во Франции и в Европе в целом после экспедиции Наполеона. Тем не менее именно на обозначенном этапе параллельно с изучением наследия древности формируется в представлении европейцев и своеобразный «образ Востока», который (что можно проследить на примере отдельных «оговорок» и своеобразных историй, рассказываемых современниками) имплицитно содержит в том числе некоторые элементы наследия предшествующих цивилизаций, что, безусловно, демонстрирует специфику самой арабо-мусульманской культуры, речь о которой в исторической науке Европы пойдет значительно позже.

Литература

1. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. – СПб.: Александрия, 2007. – 326 с.
2. Charles-Roux F. Les origines de l'expédition d'Égypte. – Paris: Plon-Nourrit, 1910. – 359 p.
3. Correspondance de Napoléon Ier. En 32 volumes. – Paris: H. Plon, J. Dumaine, 1859. – V. 3. – 539 p.
4. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. – М.: Центрполиграф, 2000. – 693 с.
5. Наполеон I. Египетский поход: мемуары императора. – М.: РИМИС, 2011. – 300 с.
6. Berthier L.-A. Mémoires du maréchal Berthier, prince de Neuchatel et de Wagram, major général des armées françaises. Campagne d'Égypte. V. 1. – Paris: Baudouin freres, 1827. – 466 p.

7. Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française / Ed. Panckoucke: T. I–XXXVII. – Paris: De l'Imprimerie impériale, 1821–1829.
8. *Martin P.* Histoire de l'expédition française en Égypte: 2 T. – Paris: J.M. Eberhart, 1815. – T. I. – VI, 412 p.
9. *Прусская Е.А.* Образ Востока в представлениях французов накануне и во время экспедиции Бонапарта в Египет: Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 89 с.
10. *Прусская Е.А.* Образ Востока в дневниках и письмах участников Египетского похода (1798–1801) // Французский ежегодник 2014. Т. 2: Франция и Восток. – М.: ИВИ РАН, 2014. – С. 166–188.
11. *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801: взаимное восприятие двух цивилизаций. – М.: РОСПЭН, 2016. – 183 с.
12. *Прусская Е.А.* Тридцать лет спустя: опыт Египетского похода 1798–1801 гг. и французское вторжение в Алжир 1830 г. // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. – М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 94–112.
13. *Промыслов Н.В., Прусская Е.А.* Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 127–143.
14. *Savary C.* Lettres sur l'Égypte, Où l'on offre le parallele des mouers anciennes et modernes de ses habitans, où l'on décrit l'état, le commerce [etc.]: 3 T. – Paris: chez Onfroï, 1785. – T. 1. – 351 p.
15. *Volney M.C-F.* Voyage en Syrie et en Egypte, Pendant Les Annees 1783, 1784, & 1785: 2 V. – Paris: Volland: Dessene, 1787. – V. 1. – 383 p.
16. *Volney M.C-F.* Voyage en Syrie et en Egypte, Pendant Les Annees 1783, 1784, & 1785: 2 V. – Paris: Volland: Dessene, 1822. – V. 2. – 450 p.
17. *Лас-Каз Э.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. – М.: Захаров, 2014. – Кн. I. – 704 с.
18. *Хааг М.* История Египта. – М.: АСТ «Астрель», 2009. – 255 с.
19. *Зеленев Е.И.* Египет: Средние века. Новое время. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 340 с.
20. *Bierman I.A.* Art and architecture in the medieval period // The Cambridge History of Egypt / Ed. C.F. Petry. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – P. 339–374.
21. *Denon V.* Voyages dans la basse et la haute Egypte pendant les campagnes de Bonaparte en 1798 et 1799. – Paris: 1817 [s.a]. XXIV – 362 p.
22. *Бренд Б.* Искусство ислама. – М.: Фаир, 2008. – 334 с.
23. *El Daly O.* Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writing. – London: UCL Press, 2005. – 258 p.

Поступила в редакцию
05.04.2022

Чиглинцев Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

Шадрина Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: shadrina_nata@list.ru

Артюх Глеб Юрьевич, магистрант кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: gleb.artyuh@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 3, pp. 161–171

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.161-171

**“Napoleonic Egyptology”: The Progression of Views Held by Europe
about Egyptian Culture during the Early 19th Century**

E.A. Chiglintsev, N.A. Shadrina*, G.Yu. Artyukh**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *shadrina_nata@list.ru, **gleb.artyuh@yandex.ru

Received April 5, 2022

Abstract

This article discusses how the views about the heritage of Egyptian culture were shaped in the minds of the European participants of Napoleon’s Egyptian campaign. The origins of European Egyptology are considered. The extensive contribution of the Arab-Islamic culture of Egypt, which retained both the archaic traces of ancient Egypt and the traditions of Hellenistic and Christian Egypt, into this process is analyzed. The term “Napoleonic Egyptology” is introduced. We defined it as a system of authentic written and visual sources that had a major influence on the initial perception of the ancient Egyptian culture and became the basis of subsequent Egyptological studies carried out by special institutions and destined to help Europeans to have a better understanding of the value of the ancient Egyptian civilization. Of particular interest is how the cultural layers of Egyptian culture of that time either stood out or merged in the image of the East that was developed by the Europeans who took part in the Egyptian campaign. It is emphasized that scholars who accompanied Napoleon’s troops had no idea of any connection between the ancient (Egyptian) and modern (Islamic) components of the regional culture. This hypothesis is substantiated by the structure of the book “Description of Egypt” with its separate volumes devoted to Egyptian antiquities and the Islamic Egypt. In this work, the images of ancient Egypt and modern East are parallel. The idea largely underpinned the evolution of European studies of the ancient Egyptian civilization.

Keywords: Egyptology, Napoleon Bonaparte, Egyptian campaign, ancient Egyptian culture, Arab-Islamic culture of Egypt

References

1. Cardini F. *Evropa i islam: istoriya neponimaniya* [Europe and Islam: The History of a Misunderstanding]. St. Petersburg, 2007. 326 p. (In Russian)
2. Charles-Roux F. *Les origines de l’expédition d’Égypte*. Paris, Plon-Nourrit, 1910. 359 p. (In French)
3. *Correspondance de Napoléon Ier. En 32 volumes*. T. 3. Paris, H. Plon, J. Dumaine, 1859. 539 p. (In French)
4. Chandler D. *Voennye kampanii Napoleona* [The Campaigns of Napoleon]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2000. 693 p. (In Russian)
5. Napoleon I. *Egipetskii pokhod: memuary imperatora* [The Egyptian Campaign: The Emperor’s Memoirs]. Moscow, RIMIS, 2011. 300 p. (In Russian)
6. Berthier L.-A. *Mémoires du maréchal Berthier, prince de Neuchatel et de Wagram, majorgénéral des armées françaises. Campagne d’Égypte*. T. 1. Paris, Baudouin freres, 1827. 466 p. (In French)

7. *Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française*. Т. I–XXXVII. Panckoucke (Ed.). Paris, De l'Imprimerie impériale, 1821–1829. (In French)
8. Martin P. *Histoire de l'expédition française en Égypte*. Т. I. Paris, J.M. Eberhart, 1815. VI, 412 p. (In French)
9. Prusskaya E.A. The image of the East in the views of the French on the eve and during Bonaparte's campaign in Egypt. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Moscow, 2012. 89 p. (In Russian)
10. Prusskaya E.A. The image of the East in the diaries and letters of the participants of the Egyptian campaign (1798–1801). In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2014* [French Yearbook 2014]. Vol. 2: France and the East. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2014, pp. 166–188. (In Russian)
11. Prusskaya E.A. *Frantsuzskaya ekspeditsiya v Egipet 1798–1801: vzaimnoe vospriyatie dvukh tsivilizatsii* [The French Campaign in Egypt of 1798–1801: Mutual Perception of the Two Civilizations]. Moscow, ROSPEN, 2016. 183 p. (In Russian)
12. Prusskaya E.A. Thirty years later: The Egyptian campaign of 1798–1801 and the French conquest of Algeria in 1830. In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2017: Frantsiya i Sredizemnomor'e v Novee i Noveishee vremya* [French Yearbook 2017: France and the Mediterranean in the Modern and Contemporary Eras]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2017, pp. 94–112. (In Russian)
13. Promyslov N.V., Prusskaya E.A. The East as perceived by Napoleon's soldiers: From Egypt to Russia. In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2013: "Russkaya kompaniya" Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'* [French Yearbook 2013: Napoleon's "Russian campaign": Events, Images, Memories]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2013, pp. 127–143. (In Russian)
14. Savary C. *Lettres sur l'Égypte, Où l'on offre le parallèle des mœurs anciennes et modernes de ses habitants, où l'on décrit l'état, le commerce [etc.]*. Т. 1. Paris, chez Onfroi, 1785. 351 p. (In French)
15. Volney M.C-F. *Voyage en Syrie et en Égypte, Pendant Les Annees 1783, 1784, & 1785*. Т. 1. Paris, Volland, Dessene, 1787. 383 p. (In French)
16. Volney M.C-F. *Voyage en Syrie et en Égypte, Pendant Les Annees 1783, 1784, & 1785*. Т. 2. Paris, Volland, Dessene, 1822. 450 p. (In French)
17. Las Cases E. *Memorial Svyatoi Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone* [The Memorial of Saint Helena, or Memoirs of the Emperor Napoleon]. Book I. Moscow, Zakharov, 2014. 704 p. (In Russian)
18. Haag M. *Istoriya Egipta* [The Rough Guide to History of Egypt]. Moscow, AST "Astrel", 2009. 255 p. (In Russian)
19. Zelenev E.I. *Egipet: Srednie veka. Novee vremya* [Egypt. Middle Ages. Modern Era]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1999. 340 p. (In Russian)
20. Bierman I.A. Art and architecture in the medieval period. In: *The Cambridge History of Egypt*. Petry C.F. (Ed.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 339–374.
21. Denon V. *Voyages dans la basse et la haute Égypte pendant les campagnes de Bonaparte en 1798 et 1799*. Paris, 1817 [s.a]. XXIV. 362 p. (In French)
22. Brend B. *Iskusstvoislama* [Islamic Art]. Moscow, Fair, 2008. 334 p. (In Russian)
23. El Daly O. *Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writing*. London, UCL Press, 2005. 258 p.

Для цитирования: Чиглинцев Е.А., Шадрина Н.А., Артюх Г.Ю. «Наполеоновская египтология»: специфика формирования представлений о египетской культуре в Европе начала XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 161–171. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.161-171.

For citation: Chiglintsev E.A., Shadrina N.A., Artyukh G.Yu. "Napoleonic Egyptology": The progression of views held by Europe about Egyptian culture during the early 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 161–171. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.161-171. (In Russian)